

НАСЛЕДИЕ

Мильков В. В.

С. В. Бондарь как исследователь религиозно-философской мысли Древней Руси

Заниматься исследованием отечественной средневековой философской мысли — дело не легкое и далеко не всеми в научных кругах одобряемое. Часто приходится сталкиваться с тем, как современные профессиональные философы в удивлении поднимают брови, когда речь заходит о древнерусской мысли. Не легко противостоять сомневающимся в том, что феномен русской средневековой религиозно-философской мысли имел место. Тем более нелегко это делать после уничижительных высказываний в адрес древнерусской философии крупных и авторитетных авторов¹.

Дело в том, что, начиная с петровской эпохи и по сей день, в науке господствует европоцентристский подход, задающий критерии, по которым текст может быть признан философским. Уже в XVII столетии стало формироваться негативное отношение к древнерусскому наследию, а после Петра I абсолютное размежевание со средневековой традицией стало господствовать².

¹ Достаточно напомнить крайне низкую оценку духовной жизни Древней Руси, которую дал в своих «Философических письмах» П. Я. Чаадаев. Никаких заслуживающих внимания достижений мысли в средневековом прошлом Руси он не видел. Страна представлялась Чаадаеву пребывавшей в косности и варварстве, на почве которого невозможны никакие внешние влияния (*Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. М., 1991. С. 324–328*). Г. Г. Шпет в «Очерках развития русской философии» умственную жизнь Древней Руси вообще называл «невегласием» и сожалел, что принятие христианства на родном языке отгородило страну от латинского Запада, что могло бы дать иное направление отечественной мысли (*Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989. С. 20–54*).

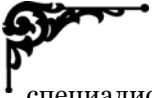
² Эти настроения четче других обозначил Гавриил Бужинский, утверждавший, что самого названия философии на Руси не было слышно (*Бужинский Г. Доброхотному истории любителю // Стратеман В. Феатрон, или позор исторический. СПб., 1720. С. 1*). С западноевропейскими мерками подходили к оценке русского средневекового наследия А.П. Сумароков, К.Д. Кавелин, В.В. Зеньковский, Г. В. Плеханов и многие другие авторитетные деятели культуры.

Уничжительное отношение к культурному наследию русского Средневековья задавалось принятыми в науке критериями западноевропейской философии Нового времени. Через призму европоцентристской матрицы весь предшествующий петровской ломке массив духовного наследия с позиций вестернизации стал восприниматься как отсталый, чуждый и не вписывающийся в нормы новоевропейского философствования. Духовное достояние огромной исторической эпохи, которая в истории страны заняла семь столетий, ориентировавшиеся на европейские образцы государственные идеологи XVIII столетия фактически обрекали на забвение. Обесцененное прошлое долгое время попросту не удостоивали элементарного изучения. Подобные установки и в наши дни имеют сильные позиции, поскольку формировались они традициями и стандартами образовательной подготовки специалистов, для которых органичным является европейское понимание философии в духе рационализма Нового времени. Широкое распространение подобного рода предпочтений закрывало самую возможность изучения древнерусского религиозно-философского наследия. Поэтому и «критики» исходили из предвзятого отрицания, которое никак не было связано со знанием реальных фактов.

Понадобился длительный период реабилитации Древней Руси. И прохождение этого пути было связано с последовательными шагами в деле открытия, а затем изучения древнерусского идейного наследия. Сначала зазвучали первые робкие аргументы в защиту древнерусской религиозной философии³. Подлинный прорыв произошел в 1968 г., с выходом в свет 1-го тома пятитомной «Истории философии в СССР». Именно в это время историки русской философии начали перекалиброваться на древнерусскую тематику. Несмотря на четко обозначившийся интерес, среди философов-профессионалов отсутствовали

³ Гавриил Воскресенский в многотомной истории философии призывал искать философские сюжеты, рассеянные в древнерусских текстах. (*Гавриил (Воскресенский) В. Н.) архимандрит.* История философии. Ч. I. Казань, 1839. С. 7; Там же. Ч. VI. Казань, 1840. С. 3–26). На философскую составляющую в древнерусской книжности указывал И. С. Свенцицкий (Начала философии в русской литературе XI–XVI вв. // Галицко-русская магица. Научно-литературный сборник. Т. 1. Кн. 2. Львов, 1901. С. 1–2). В 1892 г. М. В. Безобразова защитила в Берне докторскую диссертацию «Рукописные материалы к истории философии в России». Она была построена на источниках XII–XIV вв. и легла в основу серии статей, посвященных анализу бесспорно философских текстов Древней Руси (*Handschriftliche Materialien zur Geschichte der Philosophie in Russland / Zur Erlangung der Doktorwürde vorgelegt von Marie Besobrasof.* Leipzig, 1892; *Безобразова М. В.* Краткий обзор существенных моментов истории философии. М., 1894). Наметился переход от скептицизма к еще достаточно осторожному и с оговорками признанию «слабовыраженного философского элемента» (*Радлов Э.* Очерки истории русской философии. 1920 г.), А. А. Галактионов и П. Ф. Никандров в учебнике по истории русской философии охарактеризовали общественную мысль XI–XVII вв. как «предысторию» русской философии (1970 г.).

специалисты, способные непосредственно обращаться к древнерусским оригиналам. Приобщению философов к древнерусской тематике еще долго будет мешать языковой барьер. Большая часть собственно философских текстов находилась в рукописях, а читать их профессиональные философы не могли.

По мере открытия древнерусской культуры и удивления ее шедеврами безапелляционное обвинение в «невегласии» утратило основание. В конце 70-х – начале 80-х годов появилась целая плеяда профессионалов-философов, которые сосредоточили свои научные изыскания на древнерусской тематике. Древнерусская философия, как самостоятельный феномен, стала объектом исследования таких крупных и авторитетных специалистов, как М. Н. Громов⁴, В. С. Горский⁵,

⁴ Громов М. Н. Древнерусская философия истории в «Повести временных лет» // Актуальные проблемы истории философии периодов СССР. Вып. 2. М., 1975. С. 3-13; *Он же*. Об одном памятнике древнерусской письменности XII века // Вестник Московского университета / Серия VII: Философия. 1975. № 3. С. 58-67; *Он же*. «Речь философа» из древнерусской летописи «Повесть временных лет» // Философские науки. Научные доклады высшей школы. М., 1976. № 3. С. 97-107; *Он же*. Систематизация эмпирических знаний в Древней Руси // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1978. С. 29-47; *Он же*. Философская проблематика в исследованиях по древнерусской письменности // Философские науки. 1979. № 5. С. 78-85; *Он же*. Об изучении древнерусской философии (история вопроса) // Депонирование в ИНИОН АН СССР. № 3667. 1979.

⁵ Горский В. С. Проблема целости мира в философской культуре Киевской Руси и Древней Болгарии (к вопросу о восприятии богомилства в культуре Киевской Руси) // Богомилство Първи международен конгрес по българистика, г. София, 23 май – 3 юни 1981 г. / Българска Академия НА Науките. София, 1982. С. 47-62; *Он же*. Философские идеи в культуре Киева XI-XIII вв. : [Гл. 1, § 2] // Философская мысль в Киеве: Историко-философский очерк. Київ, 1982. С. 31-51; *Он же*. Развитие философской мысли в Киеве в период разложения и кризиса феодально-крепостнических отношений : [Гл. 3, Введение] // Там же. С. 158-162; *Он же*. Проблема целостности мира в философской культуре Киевской Руси и Древней Болгарии (к вопросу о восприятии богомилства в культуре Киевской Руси) // У истоков общности философских культур русского, украинского и болгарского народов. Киев, 1983. С. 42-57; *Он же*. Характер и основные направления взаимосвязи философских культур Древней Руси и Болгарии // У истоков общности философских культур русского, украинского и болгарского народов (в соавт. М. Д. Бычваровым). Киев, 1983. С. 3-19; *Он же*. До характеристики філософсько-історичних уявлень в культурі Київської Русі // Філософська думка. 1984. № 3. С. 76-88; *Он же*. Философская мысль в духовной культуре Киевской Руси // Исторические традиции философской культуры народов СССР и современность. Киев, 1984. С. 80-88; *Он же*. Философские идеи в отечественной средневековой культуре // Философские науки. 1985. № 5. С. 91-98 (в соавт. С. Б. Крымским); *Он же*. Философские идеи в культуре Киевской Руси XI – начала XII в. Киев, 1988.

С. В. Бондарь как исследователь

В. Ф. Пустарнаков⁶, А. Ф. Замалева⁷. Быстро росло количество их последователей и учеников. Философскую тематику Древней Руси все чаще стали избирать в качестве кандидатских и докторских диссертационных исследований. Утверждению древнерусской философии в ее правах немало содействовали представительные конференции, которые инициировали киевские коллеги. Они умело стимулировали обращение историков и филологов к философской проблематике и вовлечению философов в древнерусскую тематику. Существовавшая лакуна в представлениях об историко-философском процессе на территории нашей страны за короткое время была ликвидирована.

С. В. Бондарь принадлежит ко второму поколению историков древнерусской мысли. Пожалуй, он был первым и едва ли не самым перспективным из учеников В. С. Горского. Его справедливо отнести к плеяде молодых исследователей, которые всецело посвятили себя древнерусской тематике. Запомнилось быстрое и основательное утверждение Станислава в науке. Буквально за несколько лет он публикует серию статей и обстоятельную монографию, в которых дает глубокий и всесторонний анализ религиозно-философского содержания «Изборников» 1073 и 1076 годов⁸. Работы С. В. Бондаря с самого начала отличались высоким источниковедческим качеством. Он опирался в своих исследованиях не на вторичные материалы, как это позволяли себе делать некоторые из первых исследователей древнерусской мысли, не на пересказы и наблюдения, заимствованные из работ историков и фи-

⁶ Пустарнаков В. Ф. О русско-южнорусских философских связях XI–XIII вв. // История философии в СССР. Т. 1. М., 1968. С. 494–498; Он же. О русско-польских философских связях XI–XVIII вв. // Там же. С. 504–508; Он же. Проблема познания в философской мысли Киевской Руси // Становление философской мысли в Киевской Руси. М., 1984. С. 12–27; Он же. Идеи и источники древнерусской философской мысли // Введение христианства на Русь. М., 1987. С. 188–203; Он же. Философские идеи в религиозной форме общественного сознания Киевской Руси // Там же. С. 204–262.

⁷ Замалева А. Ф. Мыслители Киевской Руси Киев, 1981 (в соавторстве с В. А. Зоцем); Философская мысль в средневековой Руси (XI–XVI вв.). Л., 1987; Его же. Восточнославянские мыслители. Эпоха Средневековья. СПб., 1998.

⁸ Бондарь С. В. Древнерусский “Изборник 1076 года” как источник изучения философской культуры Киевской Руси // Проблемы философии. 1982. Вып. 56. С. 17–24; Он же. Деякі висновки з історико-філософського аналізу “Изборника Святослава 1073 р.” та “Изборника 1076 р.” // Філософська думка. 1985. № 1. С. 89–90; Он же. К пониманию проблемы “человек – история – время” в “Изборнике” 1073 г. // Человек и история в средневековой философской мысли русского, украинского и белорусского народов. Киев: Наукова думка, 1987. С. 69–87; Он же. Античное учение об элементах и некоторые антропологические воззрения в “Изборнике Святослава 1073 г.” // Отечественная общественная мысль эпохи Средневековья. Киев: Наукова думка, 1988. С. 125–133; Он же. Философско-мировоззренческое содержание “Изборников” 1073 и 1076 годов. Киев: Наукова думка, 1990. 152 с.

логов, а на подлинную эмпирическую основу. И в Москве и в Петербурге (тогда Ленинграде) его можно было встретить в древлехранилищах, где он работал со средневековыми рукописями.

Пожалуй, не оставалось ни одной сферы философского знания, которая не получила бы в цикле работ об «Изборниках» своего освещения, благо материал удивительных по богатству содержания энциклопедических памятников объективно давал такую возможность. Тексты, ставшие предметом глубокого изучения исследователя, пришли на Русь вместе с кирилло-мефодиевской традицией. В рамках межславянских идейных взаимосвязей они несли с собой богатый спектр идей и истин, объединявших восточно-христианскую конфессиональную общность. К тому же «Изборник 1076 года» был значительно расширен оригинальными вставками, а именно это является благодатным материалом для историка философии. Говорить о разных аспектах религиозно-философских смыслов этих замечательных памятников можно долго, но хочется обратить внимание на одну яркую особенность научного подхода к материалу С. В. Бондаря. В созданном при болгарском царе Симеоне «Изборнике», который на Руси стал именной книгой князя Святослава, предлагалась модель взаимоотношения философии и богословия, которая благодаря болгарскому посредничеству стала нормой для древнерусских книжников раннехристианского времени. Эту норму взаимодействия богословия и философии исследователь учитывал, и в его взвешенных оценках суть средневекового философствования раскрывалась в соответствие с нормами идейного творчества, которые были актуальны в то время.

В своем мозаичном содержании, составленном из отрывков произведений авторитетных христианских авторов, «Изборник 1073 года» давал не только общие представления о догматических основаниях вероучения, но содержал в себе логико-философские главы, открывающие возможность выражения сложных богословских понятий. Наряду с извлечениями из трудов экзегетов, он содержал сведения натурфилософского и астрономического характера, а так же знакомил с некоторыми воззрениями древнегреческих философов, которые были органической частью богословских построений цитировавшихся в сборнике экзегетов. Исследователь, конечно, не упустил из поля своего внимания трансляцию античных идей в древнерусскую культуру и вскрыл механизм передачи знаний, существовавших в форме адаптации древнегреческого наследия, лишённого неприемлемых для доктрины смыслов и использовавшихся для более четкой формулировки христианских истин. Автору удалось раскрыть особенности средневековой антропологии, показать специфику решения онтологических проблем в рамках христианской доктрины. В развитии этих тем христианизированные элементы античности использовались в наибольшей мере. Кроме того, в исследованиях получили детальное освещение гносеологические, историкофилософские и нравственные аспекты «Изборников».

С. В. Бондарь как исследователь

Нельзя не отметить, что с самого начала своего творческого пути С. В. Бондарь был чужд модернизации и упрощения в трактовке древнерусского наследия. Он был далек от поисков некоей чистой философии, которую скептики в общем-то справедливо не усматривали в религиозных текстах. Будучи представителем украинской школы историков философии, он, как и его коллеги, подробно и углубленно исследовал философемы и философичность в рамках богословия, понимая синкретическую природу средневекового текста, когда в религиозной оболочке философия выступала в превращенной форме своего существования. Честный, чуждый конъюнктурного упрощения подход, конечно же способствовал признанию статуса философской составляющей древнерусского идейного наследия. По сути дела, ставился вопрос о формах философствования в рамках господствовавшей тогда религиозной формы сознания.

Собственно специфике и особенностям отечественного средневекового философствования в разные годы С. В. Бондарь посвятил много специальных работ. В целом ряде исследований он занялся выявлением критериев вычленения философского компонента в религиозных по своему характеру текстах. И каждый раз специально подчеркивалось, что древнерусскую философию нельзя рассматривать вне ее связи с богословием. Ход мыслей, в данном случае, был следующий. Первоисточником способов осмысления бытия в средневековую эпоху были установки Священного писания и доктринальные принципы, которые задавали рамки возможного решения философских по своему характеру проблем. Последние решались в русле религиозных суждений. Святоотеческая мысль, а через нее и античность, обогатили философскую палитру осмысления бытия, поскольку экзегеты получили классическое философское образование и его плоды, конечно же, накладывали отпечаток на сочинения христианских богословов. Убедительная логика суждений подводила к обоснованному выводу о существовании преемственности на всех этапах развития христианской мысли – от апологетов до древнерусской средневековой эпохи⁹. Среди специфических методов религиозно-философского осмысления действительности исследователь выделял образно-символический метод и подробно характеризовал памятники, в которых этот метод применялся¹⁰.

⁹ Бондарь С.В. Философско-мировоззренческое содержание “Изборников”. С. 19-20, 52-53; Он же. Философия и религия в культуре Киевской Руси // История философии и культура. Киев, 1991. С. 171-181; Он же. Філософська думка Київської Русі // Історія філософії в Україні. Підручник. К., 1994. С. 42-68; Он же. До питання про особливості і специфіку філософування в Україні XI-XIV ст. // Філософські ідеї в культурі Київської Русі. Збірник наукових праць за матеріалами давньоруських історико-філософських читань «Філософські ідеї в культурі Київської Русі» (Полтава, 10-11 червня 2008 р.). Полтава, 2008. С. 51-74.

¹⁰ Бондарь С.В. Світоглядно-психологічні особливості середньовічної уяви та пізнавальної діяльності // Семантика образу в культурі Середньовічної Єв-

Можно назвать работы С. В. Бондаря, которые посвящены общей характеристике религиозно-философской мысли Киевского периода. В них исследовались особенности духовной атмосферы¹¹ и выявлялись типологические особенности древнерусского религиозного философствования, в том числе и те признаки, которые отличают православную духовность от западноевропейской (иное качество взаимоотношений светской и духовной властей, отсутствие ересей, толерантность)¹². В предложенных наблюдениях и выводах не все можно признать бесспорным. Древнерусские ереси – это общеизвестный факт. Правда, появляются они достаточно поздно – с конца XIV в. и по многим признакам отличаются от европейских. В стригольничестве, например, возрождались элементы дохристианских воззрений. Если говорить о толерантности, то речь может идти о бытовой сфере или матриониальных связях княжеского дома. Церковные же идеологи пытались наложить запрет не только на ритуальное, но и на бытовое общение православных христиан с латинянами и прочими иноверцами.

Большое внимание в работах С. В. Бондаря уделялось методологии историко-философского исследования и поиску надежных критериев выделения философом. Этот аспект необычайно важен по причине весьма специфической природы христианского средневекового философствования, к оценкам которого не применимы критерии новоевропейской науки. Исследователю удалось доказать правомерность использования нефилософских текстов в целях историко-философского анализа. То, что древнерусская религиозно-философская мысль была особым эпохальным явлением, к которому должны применяться соответствующие методы исследования, – с этим нельзя не согласиться. А вот попытка включения тысячелетнего античного периода в историю философии на Украине не выглядит продуктивной¹³. В данном случае связь чисто географическая. Но на данной территории сменился этнос и установился совершенно не связанный с европейской культурой социально-экономический общественный тип. Именно Западной Европе Причерноморье даровало свой плод, а на Украине философия развивалась в рамках богословия после введения здесь христианства. Филосо-

ропи: Схід–Захід: Матеріали Міжнародної наукової конференції. К., 1996. С. 30.

¹¹ Бондарь С.В. Про деякі характерні риси та особливості релігійно-духовного життя Київської Доби // Філософія. Історія культури. Освіта: Доповіді та повідомлення III Міжнародного конгресу українців. Х., 1996. С. 186-192.

¹² Бондарь С.В. Філософська думка Київської Русі // Історія філософії в Україні. Підручник. К.: Либідь, 1994. С. 42-68; *Он же*. Філософсько-історичний зміст циклу православних свят у духовній культурі України XI-XIV ст. // Давньоруське любомудріє: Тексти і контексти. К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2006. С. 34-75.

¹³ Бондарь С.В. Історико-філософські студії писемної культури Княжої доби України: звернення й перспективи // Філософська думка. 2004. № 2. С. 125-134.

С. В. Бондарь как исследователь

фия скифов оставалась неизвестной славянским преемникам на этой территории. Трансляция же античного наследия в отечественную средневековую культуру осуществлялась опосредовано и весьма ограничено, в тех рамках, которые не противоречили доктрине. Ни о какой прямой преемственности говорить не приходится.

Как историк отечественной философской мысли средневекового периода С. В. Бондарь совершенно справедливо ставил вопрос о необходимости расширения источниковедческой базы исследования и выявления философского качества привлекаемых для работы текстов. Он и сам активно работал в этом направлении, проводя большое количество времени в архивах и копируя рукописные тексты. Заслугой автора можно считать не только то, что ему удалось убедительно раскрыть и проинтерпретировать философские аспекты сочинений экзегетов в переводной древнерусской книжности, но еще и расширить поле историко-философского исследования, выявив философичный компонент в традиционно считающихся нефилософскими жанрах (агиографии, поучениях, летописях, апокрифах)¹⁴.

Обращаясь к анализу конкретных памятников, историк философии демонстрирует продуктивность историко-философского анализа произведений разных жанров. Объектом его исследования становится то «Пчела», то «Повесть о Варлааме и Иоасафе», то «Учение о числах» Кирика Новгородца, то «Поучение» Георгия Зарубского и даже такой неожиданный для историко-философского анализа объект, как «Слово о полку Игореве»¹⁵. В перечисленных памятниках, которые обычно не привлекаются философами для своих исследований, Бондарь находит философское содержание. В «Поучении» Георгия анализируется морально-этическая программа проповедника. В «Учении» Кирика с философией соотносится сюжет о первоначалах мироздания, а в литературном каноне этого произведения усматривает историософский аспект. И так в каждом сочинении, которое является объектом

¹⁴ Бондарь С.В. Актуальні проблеми дослідження релігійно й філософської думки України XI-XV сторіч // Історія релігій в Україні. Праці XIII-ї Міжнародної наукової конференції (Львів, 20-22 травня 2003 року). Кн. II. С. 248-253.

¹⁵ Бондарь С.В. «Вчення» Кирика Новгородця // Філософська і соціологічна думка. 1993. № 3. С. 143-150; Он же. Древнерусские периодизации священной истории // Кирик Новгородец и древнерусская культура. Ч. 1. Великий Новгород: НовГУ, 2012. С. 159-198; Он же. «Бджола» - унікальна пам'ятка філософсько-світоглядної думки Русі-України // Хроніка 2000. 1995. Вип. 1. С. 59-78; Он же. Релігійно-філософський зміст «Повчання» Георгія, чорноризця Зарубського // Переяслівська земля і духовний світ людини. Збірник наукових праць. К.; Переяслав-Хм.: Палміра, 1998. С. 78-81; Он же. Античний етнорелігійний трактат Арістїда у давньоруському перекладному тексті «Повісті про Варлаама й Иоасафа» // Філософські обрії. 2003. № 10. С. 39-66; Он же. Об одной из эстетических особенностей творческого метода создателя «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве и мировоззрение его эпохи. Киев: Наукова думка. 1990. С. 67-73.

изучения С. В. Бондаря, вскрывается присущая ему философичность и всесторонне характеризуется религиозная специфика текста.

Целый ряд работ посвящен анализу историософских идей в памятниках переводной и оригинальной книжности¹⁶. Именно этот аспект исследователь считает перспективным при рассмотрении «Шестоднева» Иоанна экзарха Болгарского, тогда как обычно историки отечественной философии находят в этом памятнике массу интересных данных о христианской онтологии, антропологии и гносеологии. Это произведение церковно-учительного назначения, созданное при Сименоне (864-927) — яркий пример теснейших болгаро-русских идейно-религиозных связей¹⁷. Став важным элементом отечественной культуры, «Шестоднев» впервые знакомил славяно-русское общество с объемными извлечениями из Василия Великого, Севериана Габальского и Феодорита Киррского. Эту просветительскую функцию «Шестоднева» Бондарь определяет абсолютно верно. Остается добавить, что компиляция текстов восточно-христианских экзегетов до XV в. была едва ли не самой полной антологией сведений об идеях древнегреческих философов. И, тем не менее, С. В. Бондарь делает довольно нетипичный исследовательский срез и анализирует аспекты, которые не привлекали внимания других историков древнерусской религиозно-философской мысли. В «Хронике» Иоанна Малалы исследователь объектом анализа выбрал историческую концепцию составителя «Хроники». Ученый обратил внимание, что автор «Хроники» связывал движение истории с культурными достижениями человечества. В этом контексте эпохальных открытий прошлого оказываются и концепции древних мудрецов, чем и объясняется информативность «Хроники» Малалы о философских учениях античности. Проблеме периодизации мировой истории в трудах религиозных мыслителей С. В. Бондарь уделял большое внимание. Он выявлял существование

¹⁶ *Бондарь С.В.* Ключові інтелектуально-духовні події всесвітньої історії у давньоруському перекладі «Хроніки» Йоана Малали // Могилянські читання 2004. Зб. наук. пр.: Музейне збереження пам'яток сакрального мистецтва. Історія, сучасна практика і майбутнє. К.: Віпол, 2005. С. 113-123; *Он же.* «Шестиднев» Иоанна экзарха Болгарского як джерело для реконструкції історософських уявлень Давньої Русі (містично-прообразна генеза Старого й Нового Завітів) // Могилянські читання 2004. Зб. наук. пр.: Музейне збереження пам'яток сакрального мистецтва. Історія, сучасна практика і майбутнє. К.: Віпол, 2005. С. 107-112; *Он же.* До питання про філософсько-історичний зміст Галицько-Волинського літопису // Християнська спадщина Галицько-Волинської держави: ціннісні орієнтири духовного поступу українського народу. Матеріали Міжнародної ювілейної наукової конференції. – Івано-Франківськ – Галич. Прикарпатський національний університет імені Василя Стефаника; Національний заповідник «Давній Галич», 2006. С. 273-276.

¹⁷ *Баранкова Г. С., Мильков В. В.* Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского / Памятники древнерусской мысли: исследования и публикации. Вып. II. СПб., 2001. С. 15-25, 279-293.

С. В. Бондарь как исследователь

прочной связи историософских концепций со средневековым пониманием времени, указывал на такие важные признаки христианской историософии как теоцентризм и эсхатологизм (на примере «Космографии» Козьмы Индикоплова). Он показал, что даже циклическая модель времени может органично сочетаться с линейно-финалистической концепцией хода истории (Кирик Новгородец)¹⁸. Нельзя не разделить убежденность исследователя, что переводная книжность должна расцениваться как факт идейно-религиозной жизни Руси, а ее религиозно-мировоззренческие особенности невозможно игнорировать при анализе идейного содержания оригинальных произведений, создававшихся на основе некоего базового набора христианских идей и принципов. Подобный подход позволяет избежать упрощения религиозно-философской специфики эпохи.

Логично, что от изучения конкретных памятников исследователь переходил к написанию исследовательских трудов обобщающе-панорамного значения. Его перу принадлежит общий очерк истории религиозно-философской мысли Украины в XI-XIV вв.¹⁹ К подобного рода работам нужно отнести и публикуемую ныне книгу о Кирилле Туровском.

Благодаря инициативе С. В. Бондаря целый ряд религиозно-философских памятников был введен в научный оборот на украинском языке. Его стараниями опубликованы «Учение о числах» Кирика Новгородца²⁰, «Повесть о Варлааме и Иоасафе»²¹, «Поучение» Георгия Зарубского²². Публикации сопровождалось аналитическим исследованием содержания.

Работу историка философии трудно представить без рефлексии того, что делают коллеги на общем поле исследования. В историографических разделах многих его трудов содержалась оценка достигнутого в области изучения древнерусской мысли, но в одном случае он специально отметил заслуги в деле изучения древнерусского наследия крупной украинской исследовательницы, представлявшей старшее поколение²³. Не все, что делалось на поле историко-философских ис-

¹⁸ Бондарь С.В. Періодизація світової історії у філософській культурі України XI-XIV ст. // Практична філософія. 2006. № 1. С. 185-193.

¹⁹ Бондарь С.В. Релігійно-філософська думка в Україні у XI-XIV ст. // Історія Української філософії: Підручник. К.: Академвидав, 2008. С. 72-128.

²⁰ Бондарь С.В. «Вчення» Кирика Новгородця. С. 143-150.

²¹ Бондарь С.В. Античний етнорелігійний трактат Арістіда у давньоруському перекладному тексті «Повісті про Варлаама й Иоасафа». С. 39-66.

²² Бондарь С.В. Релігійно-філософський зміст «Повчання» Георгія, чорноризця Зарубського. С. 78-81.

²³ Бондарь С.В. Валерія Михайлівна Нічик як дослідник філософської думки Давньої Русі // Україна XVII століття: суспільство, філософія, культура. Зб. наук. пр. на пошану пам'яті проф. Валерії Михайлівни Нічик. К.: Критика, 2005. С. 34-45.

следований религиозной мысли Древней Руси, его удовлетворяло. Поэтому он пишет статью, в которой с озабоченностью высказывается о состоянии дел в области изучения идейно-религиозного наследия Древней Руси. В ней констатируется количественный рост числа публикаций и диссертационных работ по древнерусской религиозно-философской тематике. Можно бы было радоваться появлению все большего и большего числа исследований, посвященных средневековой отечественной мысли. Но автора тревожит низкое научное качество случайных и проходных диссертаций. Поэтому он восстает против «убогих» диссертационных исследований²⁴.

Нельзя не сказать об эволюции взглядов С. В. Бондаря на протяжении его научной деятельности. В ученых кругах существовало широкое и узкое понимание философии применительно к трактовке идейно-религиозной ситуации в средневековой Руси. Сторонники узкого понимания ориентировались на актуальное для культуры определение философии, которое было известно по переводам «Диалектики» Иоанна Дамаскина. Классификация философского знания, данная Дамаскиным, восходит к Аристотелю, но в христианской редакции. Высшей философией названо богословие, к сфере которого относится то, что постигается разумом. Математика, как раздел умозрительной философии, оперирует тем, что не имеет материи, но раскрывает свое бытие в материальных вещах. Под влиянием Аристотеля выделяется практическая философия, к сфере применения которой относится этика, политика и экономика. Философия в этом качестве названа искусством искусств и наукой наук. В рамках этой «хитрости» рассматриваются грамматика, риторика и логика, которые позволяют делать правильные умозаключения²⁵. По этой формуле философия является инструментальным дополнением к богословию, или, другими словами, представляет собой комплекс знаний, который был подконтролен богословию. В ранних работах С. В. Бондаря концептуальное видение религиозно-философской мысли Древней Руси практически соответствовало данной модели.

Со временем акценты смещались в сторону широкого понимания философии, а границы между философией и богословием в статьях последних лет стирались. С философией стала соотноситься догматика, аскетика и разные формы духовных практик. Исследователя уже гораздо меньше интересовали превращенные способы философского постижения действительности в рамках религиозной формы сознания. Гораздо больше занимало собственно богословие и его освоение древними русичами. По сути дела, под философией стала по-

²⁴ Бондарь С.В. Дисертаційні історико-філософські студії духовної культури України XI-XV ст.: наука чи імітація? // Бюлетень ВАК України. 2006. № 5. С. 5-10.

²⁵ Weiher E. Die Dialektik des Johannes von Damaskus in Kirchenslavischer Übersetzung. Wiesbaden, 1969. S. 18–24.

ниматься всеобъемлющая православная мудрость. Такой подход позволял ставить вопрос о богатом разнообразии форм и способов религиозного философствования. Надо сказать, что эта тенденция, наиболее ярко представленная в творчестве М. Н. Громова, в последнее время приобретает все больше сторонников²⁶. Исследование феномена в таком качестве требовало глубокого погружения в духовную жизнь русского Средневековья, широкой эрудиции и глубокого знания письменных источников. Собственно эти качества в своем научном творчестве и демонстрировал С. В. Бондарь. Расширенный подход позволял делать объектом исследования библейские и богослужебные тексты, а также произведения морально-этического содержания. Если же говорить об историографии в целом, то понимание древнерусской религиозной философии у авторов разных направлений варьировалось²⁷.

²⁶ *Завгородний Ю. Ю.* Аскетизм і виклики сучасності // Аскетична мораль в давньоруській культурі. Доповіді науковців II Несторівських студій, видані за сприяння Печерської районної у місті Києві державної адміністрації. Київ, 2005. С. 137-141; *Он же.* До характеристики просторово-часових уявлень доби Київської Русі // Духовна спадщина Київської Русі. Збірник наукових праць за матеріалами міжнародного семінару викладачів східноєвропейських університетів. Одеса, 2-4 липня 1997 р. Одеса, 1997. Випуск I. С. 67-72; *Киричок О. Б.* Феодосій Печерський як «Христовий воїн» // Аскетична мораль у давньоруській культурі. Київ, 2005. С. 29-37; *Он же.* Спроба синтезу релігійних, філософських та політичних ідей у «Посланні про піст» митрополита Никифора // Колізії синтезу філософії і релігії в історії вітчизняної філософії (до 180-річчя Памфіла Юркевича та 130-річчя Семена Франка): Український часопис російської філософії. Вісник Товариства російської філософії при Українському філософському фонді. Вип. 7. Полтава, 2007. С. 474-479; *Малахов В. А.* Здобуття мовчання (за матеріалами Києво-Печерського патерика) // Національний університет «Києво-Могилянська академія». Наукові записки. Т. 18: Філософія та релігієзнавство. Київ, 2000. С. 29-31; *Поляков Н. С.* Сакрализация Московской Руси: вера как идеология // Герценовские чтения 2006. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2006; *Пенионжек Е. В.* Русская средневековая философия: понятие «время». Екатеринбург, 2006; *Он же.* Идеи библейской историософии в христианской культуре Средних веков. Екатеринбург, 2009; *Слипушко О. Н.* Давньоруське любовудріє // Філософська думка. 2007. № 1. С. 144-152; *Она же.* Інтерпретація біблійних образів у спадщині Кліма Смолятича // Київська старовина. 2007. № 4 (376). С. 25-33; *Она же.* Символіко-алегоричне тлумачення образів Святого Письма у «Слові про Закон і Благодать» Іларіона // Літературознавчі студії. Збірник наукових праць. Вип. 21. Ч. 2. Київ, 2008. С. 187-195; *Чайка Т. О.* Моральні доміанти давньокиївської агіографії (до реконструкції моральної свідомості Київської Русі) // Магістеріум. Вип. 30. Історико-філософські студії. Київ, 2008. С. 36-52; *Щеглов А. П.* Неведомый Бог: Историко-философское исследование мистических традиций Древнего мира и Средневековья. СПб., 2008.

²⁷ Спектр концептуальних трактовок, которые существуют в историографии, небольшой. Фактически можно говорить о последователях нескольких знаковых для историографии фигур. Кроме упомянутого М. Н. Громова, назовем направление, у истоков которого стоит В. С. Горский. Он и его последователи решение философских задач относили к сфере духовно-практического

В работах С. В. Бондаря, особенно в работах последнего десятилетия, акцент заметно смещается с философского на религиозное отношение к действительности. Ярким примером могут служить статьи, в которых анализируется соотношение Ветхого и Нового Заветов²⁸, оценивается роль Богородицкого культа в отечественной истории²⁹, проводится исследование символики и исторических форм креста³⁰, вскрывается темпорально-космическое содержание «Дня Господня»³¹, а церковные праздники рассматриваются как квинтэссенция священно-исторического сознания и важнейший фактор духовно-созидательной деятельности³². В одной из своих статей исследователь предлагает воспринимать храм как невербальное выражение религиозных и философских идей, воздействующих на формирование философско-исторических ассоциаций³³, а в другой — фокусирует внимание на метафизических основах христианской психологии, где предлагается решать психические проблемы на пути восстановления бого-

освоения действительности. В. Ф. Пустарнаков с учениками сводили средневековую философию к движению философом в религиозной форме сознания. А. Ф. Замалеев исходил из того, что философская мысль была антиподом богословия и развивалась в различных формах секулярности. Подобный ракурс позволял исследователю связывать самобытность древнерусской мысли с языческими и двоеверными представлениями.

²⁸ Сопоставление осуществляется на материалах «Шестоднева». Ветхий Завет расценивается как благодатный, что не было понято иудеями, а Новый — как обладающий двойной благодатью (Бондарь С.В. «Шестиднев» Иоанна ексарха Болгарського як джерело для реконструкції історософських уявлень Давньої Русі. С. 107-112).

²⁹ Приводятся конкретные данные о восприятии Богородицы как защитницы (Покров) и домостроительницы, когда Богородица выступала в функции Софии Премудрости (Бондарь С.В. Роль Богородиці у світовій і вітчизняній історії (за уявленнями руських книжників XI-XIV ст.) // Мультиверсум. Філософський альманах 2006. Вип. 53. С. 75-87).

³⁰ Бондарь С.В. Філософсько-богословський зміст, символіка Святого Хреста у Давній Русі і Священна Історія // Українське релігієзнавство. 2006. № 39. С. 28-40.

³¹ Бондарь С.В. Концепція «Дня Господнього» у релігійно-філософській культурі України XI-XIV ст. // Вісник Національного авіаційного університету. Серія: Філософія. Культурологія: Збірник наукових праць. № 2 (6). 2007. С. 153-157.

³² Бондарь С.В. Філософсько-історичний зміст циклу православних свят у духовній культурі України XI-XIV ст. // Давньоруське любомудріє: Тексти і контексти. К.: Вид. дім «Киево-Могилянська академія», 2006. С. 34-75.

³³ Пропонована декодування образно-символічного мови архітектури, живописи, ритуальних дійсвий (Бондарь С.В. Православний храм і церковне начиння як джерело для реконструкції філософсько-історичних уявлень Давньої Русі // Історія релігій в Україні. Науковий щорічник. 2006. Кн. II. Л.: Логос, 2006. С. 33-42).

подобного совершенствования человека³⁴. Еще одна статья посвящена древнерусскому паломничеству, в котором путешествие в Святую землю рассматривается как приобщение к сакральному пространству и времени, делающим человека причастным Священной истории. Автор выражает уверенность, что в этом месте происходит трансформация сознания в метафизически-трансцендентное знание-память. Акт паломничества рассматривается как мистическое переживание Священной истории, как своеобразное «причащение»³⁵.

Не оставлял исследователь и постоянно интересовавшую его историософскую проблематику, в трактовку которой вносились интересные акценты. Например, объектом исследования выбирались летописные описания катаклизмов и потрясений, в которых субъективно негативное отношение к бедствиям соседствовало с оправданием несчастий как попущения Божьего. Исследователь предлагал свое объяснение двойственного отношения летописцев к подобного рода явлениям. Ключом к пониманию аксиологической двойственности С.В. Бондарь считал общехристианские представления о теодицее³⁶. В другой статье история рассматривается как результат воплощения Божьего замысла. Именно такое понимание увязывается исследователем с экзистенциальным стремлением древнерусских авторов к познанию воли Творца. В конкретных исторических обстоятельствах это стремление выражалось в попытках через явленное «прочитать» сокровенное³⁷. Еще в одной работе был сделан вывод, что понятие Божьего промысла является центральным в христианском мировоззрении и неизменно присутствует в трудах древнерусских книжников. Промысел трактуется как трансцендентная сила, направляющая историю, а перед людьми

³⁴ Автор в своих суждениях основывается на анализе метафизических принципов, изложенных в Священном писании, патристических текстах и в произведениях древнерусской литературы. На этом материале показано, как решались философско-психологические проблемы в древнерусскую эпоху. Обращает внимание на актуальность данной проблематики для современности (Бондарь С.В. Релігійно-метафізичні засади антропологічно-психологічної думки України середньовічної доби // Наукові записки Інституту психології ім. Г.С. Костюка АПН України. К.: ВД «ТРОЯ», 2008. Вип. 36. С. 67-82).

³⁵ Бондарь С.В. Давньоруські ходіння як паломництва у Священну Історію // Духовні традиції в українській культурі. К.: Фенікс, 2007. С. 60-71.

³⁶ Бондарь С.В. «Божие попущение» – одна з ключових категорій пояснення природних й соціальних катаклізмів у світовій історії мислителями України доби раннього середньовіччя. Її зміст і функції // Філософські обрії. 2005. №14. С. 3-18.

³⁷ Бондарь С.В. Історія як задум Бога (за матеріалами давньоруських писемних пам'яток Княжої доби) // Мультиверсум. Філософський альманах. 2005. Вип. 51. С.101-112.

открывающая возможность спасения³⁸. В общем и целом в фокусе авторского интереса оказывался трансцендентальный фактор исторического процесса.

Серьезное внимание С. В. Бондарь уделял эсхатологической тематике. Все начиналось со статьи, посвященной анализу взглядов Кирилла Туровского на посмертную участь как отдельных людей, так и всего человечества³⁹. Эта тематика получила продолжение. С привлечением источников XI-XIV вв. он подробно анализирует древнерусские представления о посмертной участи. На материалах конкретных памятников письменности реконструируются концепции «малой» и «большой» эсхатологии. С первой связывается круг представлений о воздаянии непосредственно следующем за смертью, а со второй — конечная участь всех умерших после Второго пришествия⁴⁰. Отдельная работа посвящена рассмотрению древнерусских воззрений на рай и существовавших в общественном сознании представлений об условиях и «путях» его достижения⁴¹. Эсхатологическая тематика затрагивается и в других сюжетах, особенно в тех, которые имеют отношение к древнерусским разъяснениям «Божиих казней» и толкованиям, связанным с ожиданием «конца истории». Все вместе складывается в достаточно выразительную картину, отражающую комплекс воззрений древнерусского человека на инобытие. Но для автора это не только факт истории идей, это еще и живая, не потерявшая актуальности для религиозного сознания реальность.

В общем и целом можно сделать вывод, что в понимании С. В. Бондаря вера рассматривалась в качестве базового фактора средневековой ментальности, широкий спектр проявлений которой он отождествлял со средневековой философией. Украинский исследователь искал адекватную модель восприятия древнерусской эпохи не вне культуры того времени, а старался приблизиться к миропониманию средневековых предков, руководствуясь средневековыми представлениями о философии, когда философом считали

³⁸ Бондарь С.В. Догмат Промислу (Провидіння) Божого у філософії Давньої Русі і його вплив на розуміння Священної Історії // Мультиверсум. Філософський альманах. 2006. Вип. 56. С. 155-165.

³⁹ Бондарь С.В. До питання про макрокосмічну й мікрокосмічну есхатологію Кирила Туровського // Філософські обрії. 2004. № 11. С. 3 – 21.

⁴⁰ Бондарь С.В. Мікроесхаталогічні погляди в українській духовній культурі XI-XIV ст.: загробне життя, приватний суд, митарства. // Науковий часопис НПУ імені М.П. Драгоманова. Серія № 7. Релігієзнавство. Культурологія. Філософія. Зб. наукових праць. Випуск 9 (22). 2006. С. 24-31.

⁴¹ Бондарь С.В. Уявлення про рай як історично-есхатологічну реальність в духовній культурі України XI-XV ст. // Практична філософія. № 3. 2006. С. 170-178.

С. В. Бондарь как исследователь

и образованного книжника, и монаха-аскета и авторитетного проповедника. Именно так понимал философию митрополит Даниил. Философами он считал того, кто твердо соблюдает православную веру, пребывает в чистоте душевной и в смирении всегда угодное Богу творит. Истинным философом для него — это не мудрствующий по плоти человек, а мудрствующий по духу⁴². В своем новом понимании средневековой философии Бондарь стоит на аналогичных позициях. Видимо, это не случайно, ибо исследователю была свойственна нацеленность на диалог с мыслителями прошлого, на сохранение связи между древним и современным пониманием православия и философской мудрости.

Труды С. В. Бондаря ценны, как ценны и многие другие исследования коллег, которые вместе сделали много для того, чтобы показать, что нигде в средневековый период философский компонент не затерялся. Он непременно выступает в богословской оболочке. Такова эпохальная специфика. Бондарю, вместе с другими историками древнерусской философии, удалось доказать, что несмотря на господство религиозной формы сознания, в древнерусское время ставились и решались извечные философские проблемы о предельных основаниях бытия, о способах и границах познания, исследовались закономерности и движущие силы исторического процесса. Вряд ли нужно специально говорить о широте нравственного измерения бытия в древнерусскую эпоху, отчего отечественную средневековую мысль даже подводят под определение «панэтизма». Вклад С. В. Бондаря в утверждение древнерусской религиозной философии в ее правах — бесспорен. Им много сделано для того, чтобы показать высокую культурную ценность общеславянского книжного наследия, в том числе и философской его составляющей. Особенно ценным можно считать выявление философских смыслов в далеко нефилософских по жанру текстах, отчего те, являясь произведениями сугубо религиозными, проявляют еще и некие свои философские качества.

Предлагаемая сегодня вниманию читателя монография — это последний труд Станислава Васильевича Бондаря, который он почти успел завершить перед своей смертью. Поводом обратиться к наследию Кирилла Туровского были планы издания совместными усилиями русских и украинских ученых еще никогда в полном объеме не публиковавшегося наследия выдающегося древнерус-

⁴² Гаврюшин Н. К. Митрополит Даниил – редактор «Диалектики» // ТОДРЛ. Т. 49. Л., 1988. С. 358, 361; Мильков В. В. Определение философии Иоанна Дамаскина и его славяно-русские варианты (о кирилло-мефодиевском и других идейно-религиозных направлениях в духовной жизни Древней Руси) // Переводные памятники философской мысли Древней Руси. М., 1992. С. 145-147.

ского книжника и религиозного мыслителя. Творчеством этого мыслителя Станислав интересовался давно и даже посвятил анализу его сочинений несколько статей⁴³. Поэтому он с энтузиазмом взялся за написание аналитических разделов коллективного труда, но так увлекся работой, что вместо запланированных параграфов получилась книга, которую мы и предлагаем вниманию читателя. Именно этот последний труд украинского историка древнерусской религиозной философии отражает эволюцию его, как исследователя. Столкнувшись с необходимостью прокомментировать источники сочинений Кирилла Туровского, С. В. Бондарь окунулся в реконструкцию святоотеческих оснований, на основе которых только и могло состояться творчество оригинального, и в то же время глубоко в христианском смысле традиционного, писателя и мыслителя, прославившего у потомков «русским Златоустом».

Здесь нет нужды говорить о достоинствах и спорных местах труда. Каждый читатель может составить свое собственное представление, обратившись к содержанию книги. Только хочется выразить уверенность, что вне зависимости от вкусовых пристрастий, никто не сможет поставить под сомнение страстную увлеченность автора Древней Русью и его глубокую личную религиозность.

⁴³ *Бондарь С.В.* До питання про макрокосмічну й мікрокосмічну есхатологію Кирила Туровського. С. 3-21; *Он же.* Образи восьмого дня, Старого й Нового Заповітів (як фаз світової історії) в одному з текстів Кирила Туровського // *Історія релігій в Україні.* Науковий щорічник 2004 рік. Книга II. Львів: Логос, 2004. С. 211-216.